

Автор - Елена Уварова, Алматы (Казахстан).

Январское беспутье

Я буду вспоминать наверняка
квартиру, где сплошные коридоры;
где счастье: от парадного звонка
до вязаного коврика, который
был куплен на торговом пятачке
в субботний день (повсюду снег и люди,
деревья в ледяном солончаке,
морозное январское беспутье,
ведущее туда, где только «мы»);
где наше «всё», давно пережитое:
от сквозняков – оконных горемык –
до жареной картошки на второе;
где бабушкины старые часы
без усталости наматывали время

на стрелочные тонкие усы;
где солнце опрокидывалось в темень
зашторенной гостиной – там от бед
спасались мы, как лодки у причала.

Я вспомню всё, ведущее к тебе,
и всё, что от тебя берет начало

Городок

Начинается жизнь городская
у вокзальных скрипучих ворот,
между давкой и лавкой Исяя,
где есть всё: от китайского чая
до балтийского пива и шпрот.
За вокзалом петляют дороги.
Облака с голубой сединой.
Ковыляет старик одинокий,
направляя дрожащие ноги
к колокольне с облезлой стеной.
Двухэтажки стоят, как солдаты,
чертит небо крылом самолёт.
Пахнет дымом, лепешками, мятой.
Сонный дворник судьбою помятый,
похмелившись, о счастье поёт.
А вокруг «благодать», стынут хляби.
Приколочен простор к тишине.
Воет ветер с тоскою, по-бабьи,
пробегая морщинистой рябью
по сутулой ковыльей спине.
И ложится на знак придорожный –
пристань тювиков, галок, ворон –
на котором какой-то прохожий
белой краской вписал осторожно:
"Спит история. Вход запрещён!"

Одинокий рояль

Ты помнишь, Марта, наш старинный дом,
безмолвный, тихий, пахнувший черешней,
медовым ветровеем и дождем?!
По комнатам лениво и неспешно
бродили дни. Лесная пастораль
влетала в дом листом неосторожным.
И старенький родительский рояль,
которого прозвали мы «треножей»,

Конкурсная подборка 108. «Беспутье»;

Автор: Оргкомитет
03.04.2017 09:30

живой, ей-богу, вздрагивал и пел
под мамиными чуткими руками,
как будто сотню оперных капелл
он извлекал из чрева, и над нами
кружили звуки, словно мотыльки.

...Потом была ржавеющая осень,
отцовские тяжелые шаги,
и мамино безжизненное: «Бросил...»
Скулил в печной трубе больной январь,
накликая новые печали.
Пылится в одиночестве рояль,
и доски рассыхались и трещали.

